

ТЕРЕНС МАККЕННА

ПИЩА БОГОВ ПОИСК ИЗНАЧАЛЬНОГО ДРЕВА ПОЗНАНИЯ

Полная история растений,
наркотических средств
и эволюции человека

*Под общей редакцией
М. В. Вишневого*

Москва • 2022

Примечание для читателей:

Информация, представленная в этой книге, предназначена исключительно для образовательных, исторических и культурных целей и никоим образом не должна рассматриваться как пропаганда использования галлюциногенов. Издатели не несут никакой ответственности за физические, психологические, юридические или любые другие последствия, связанные с такими веществами.

Все права защищены. Ни одна из частей этой книги не может быть воспроизведена или использована в любой форме или с помощью любых средств, как электронных, так и механических, включая фотокопирование и аудиозапись, а также с использованием любого хранилища информации и системы автоматического поиска, без письменного разрешения издателя.

Под редакцией М. В. Вишневого

МАККЕННА Т.

M15 Пища богов. Поиск изначального древа познания. Полная история растений, наркотических средств и эволюции человека. = McKenna T. Food of the Gods. The Search For the Original Tree of Knowledge. A Radical History of Plants, Drugs and Human Evolution. — Москва: БИО-Пресс, 2022. — 368 с.

ISBN 978-5-907522-02-2

Теренс Маккенна не нуждается в представлении. Это известный философ, этноботаник, психонавт, визионер, человек, искренне верящий в то, что психоделики создали человечество и приведут его к формированию гуманного общества, гармонично сосуществующего с планетой.

Привлекая огромный фактологический материал из самых разных областей науки, религии и мифологии, Маккенна разворачивает колоссальное историческое полотно социальной эволюции *Homo sapiens*, комментируя её с точки зрения освоения людьми всё новых галлюциногенов и наркотиков. Автор искренне верит в наступление окончательной гармонии для нашей цивилизации, которая будет обеспечена ответственным потреблением психоделиков.

«Долгая ночь человеческой истории подходит к концу. В воздухе разлита тишина, восток озаряется розовым румянцем рассвета. ... История глупой обезьяны уже закончилась и больше никогда не продолжится. Нам суждено без сожаления отвернуться от прошлого, посмотреть в лицо себе, своим родителям, возлюбленным и детям, собрать в дорогу наборы инструментов, взять с собой своих животных и старые, старые мечты, чтобы можно было путешествовать по призрачному ландшафту глубокого осознания. Будем надеяться, что там, где мы всегда чувствовали себя наиболее комфортно (прежде всего внутри себя), мы обретём славу и триумф, отыскав смысл игры ничем не сдерживаемого воображения, вольготно ощущающего себя на просторах вновь обретенного рая».

Для самого широкого круга читателей.

© Теренс Маккенна (наследники), 2022.

© БИО-Пресс (перевод на русский язык, оформление), 2022.

© О. В. Пелипейченко, перевод на русский язык, 2022.

Введение

МАНИФЕСТ «ЗА НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА НАРКОТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА»

Призрак бродит по планете (точнее, по всепланетной культуре) — призрак наркозелий. Определение человеческого достоинства, созданное в эпоху Возрождения и превратившееся в демократические ценности современной западной цивилизации, похоже, вот-вот канет в небытие. Крупнейшие средства массовой информации изо всех сил пытаются нас убедить в том, что подверженность человека навязчивому поведению и различным зависимостям каким-то адским образом сочетается с фармакологией, маркетингом и высокоскоростным транспортом наших дней. На нерегулируемом глобальном рынке ныне свободно конкурируют ранее неизвестные формы химических препаратов. Зачастую в странах третьего мира правительства и даже целые нации находятся в плену как законных, так и незаконных товаров, способствующих возникновению навязчивого поведения.

Хотя такое положение дел не ново, ситуация со временем лишь ухудшается. До недавнего времени международные наркокартели были послушным орудием, созданным правительствами и спецслужбами, которым нужны были источники «невидимых» денег для финансирования собственного бренда официально закреплённого навязчивого поведения [1]. Сегодня из-за беспрецедентного роста спроса на кокаин эти

наркокартели обрели огромную мощь, которая начала вызывать беспокойство даже у их создателей [2].

Вокруг нас разыгрывается печальное шоу «вóйны с наркотиками», которые ведут правительственные учреждения, обычно находящиеся в состоянии ступора; их деятельность совершенно неэффективна, к тому же они явно находятся в сговоре с международными наркокартелями — теми самыми, которые они публично обещают уничтожить.

Никто не сможет пролить свет на эту ситуацию с глобальным употреблением наркотиков (не говоря уже о злоупотреблении ими), если мы не присмотримся внимательнейшим образом к сложившейся ситуации и не изучим некоторые старые, почти забытые ощущения и случаи поведения, связанные с наркотиками. Важность этой задачи трудно переоценить. Очевидно, что самостоятельное употребление психотропных веществ, как законных, так и незаконных, со временем будет становиться всё более значительной частью мировой культуры.

Мучительная переоценка

Любая переоценка употребления людьми наркотических веществ должна начинаться с понятия привычки — «устоявшейся тенденции или практики». Наши поступки — это, попросту говоря, знакомые, однообразные и в значительной степени неизученные привычки. «Люди, — гласит старая поговорка, — существа привычки». Культура в значительной степени проистекает из привычки, унаследованной от родителей и приобретённой в результате общения с окружающими. Со временем эта привычка понемногу изменяется — в зависимости от изменения условий и появления мотивирующих нововведений.

Тем не менее, какими бы медленными нам ни казались эти культурные перемены, по сравнению с изменениями видов и экосистем (которые иногда кажутся более медленными, чем движение ледников) культура представляет собой торже-

ство постоянного безудержного обновления. Если природа иллюстрирует принцип экономии, то культура, несомненно, должна служить примером новаторства, достигаемого через избыток.

Когда привычки берут над нами верх, когда наша приверженность им превышает установленные культурой нормы, мы начинаем их считать навязчивыми идеями. В подобных ситуациях мы ощущаем, что границы личной свободы воли человека каким-то образом нарушаются. Предметом нашей одержимости может стать практически что угодно: модель поведения (к примеру, чтение утренней газеты), материальные объекты (у коллекционеров), земля и недвижимость (у создателей коммерческих империй) или власть над другими людьми (у политиков).

Хотя чуть ли не все мы можем быть коллекционерами, лишь у немногих есть возможность потакать своим навязчивым идеям до такой степени, чтобы создать свою империю или стать политиком. Навязчивые идеи обычного человека имеют привязку «здесь и сейчас», то есть их можно сразу же удовлетворить с помощью секса, еды и наркотиков. Одержимость же химическими составляющими пищевых продуктов и наркотических средств (называемыми также метаболитами) представляет собой зависимость.

Различные виды зависимости и одержимости присущи лишь людям. Да, многочисленные неофициальные свидетельства говорят о том, что слоны, шимпанзе и некоторые разновидности бабочек любят находиться в состоянии опьянения [3], но такое поведение этих животных сильно отличается от человеческого — это всё равно что сравнить лингвистические способности шимпанзе и дельфинов с человеческой речью.

Привычка. Одержимость. Зависимость. Эти термины — своеобразные вехи на пути всё сильнее ограничиваемой свободы воли. Само понятие «зависимость» предполагает отрицание свободы воли как таковой. В нашей культуре различным видам зависимости уделяется большое внимание — особенно экзотическим или незнакомым её видам. В XIX веке счита-

ли, что в наркомана, принимающего опиум, вселился «злой опиумный дух», описание которого восходит к идее демонической одержимости некоей силой, управляющей человеком извне. В XX веке наркоманию перестали рассматривать как одержимость; зависимость начали считать болезнью, и когда это произошло, роль свободы воли, наконец, была сведена к нулю. В конце концов, мы ведь не несём ответственности за болезни, которые могут нами наследоваться или развиваться в нас.

Тем не менее, в наши дни в ходе формирования и хранения культурных ценностей человек осознаёт роль своей зависимости от химических препаратов лучше, чем когда-либо прежде.

Уже с середины XIX века органическая химия начала производить во множестве для исследователей и врачей (и в конечном итоге всех остальных) синтетические наркотики, и чем дальше, тем быстрее их производили и тем более эффективными они становились. Эти препараты стали более сильными, более результативными и с более продолжительным действием, а в некоторых случаях и вызывающие во много раз более сильное привыкание, чем их натуральные аналоги. (Исключением является кокаин: инъекции этого очищенного и концентрированного продукта натурального происхождения чрезвычайно губительны для здоровья).

Рост глобальной информационной культуры привёл к повсеместному распространению информации о рекреационных, афродизиакальных, стимулирующих, успокаивающих и галлюциногенных свойствах растений, которые выявляли любознательные люди, живущие в отдалённых и ранее не связанных между собой уголках планеты. К тому моменту, когда этот поток ботанической и этнографической информации достиг западного общества и приобщил нас к обычаям других культур (тем самым предоставив нам больший выбор, чем когда-либо прежде), уже были достигнуты большие успехи в синтезе сложных органических молекул, а также в расшифровке молекулярной структуры генома и механизма наследственности. Эти новые идеи и технологии вносят свой вклад

в совершенно новую культуру разработки психофармакологических технологий. Синтетические препараты наркотического действия, такие как МДМА или экстази, а также анаболические стероиды, используемые спортсменами и подростками для стимуляции мышечного развития, являются предвестниками эпохи всё более частого и эффективного фармакологического воздействия на наши ощущения, работоспособность и внешний вид.

Сама идея упорядоченного использования во всемирном масштабе сначала сотен, а затем тысяч легко производимых, пользующихся большим спросом, но незаконных синтетических веществ ужасает любого, кто надеется на более открытое и менее регламентированное будущее.

Возрождение архаичного

В этой книге будет исследована возможность возрождения «архаичного» (или «архаического») — отношения доиндустриального и дописьменного общества к идее сосуществования, к употреблению психотропных веществ и к природе, отношения, которое было присуще нашим доисторическим предкам-кочевникам на протяжении долгого времени, вплоть до возникновения нынешнего культурного стиля, который мы именуем западным. Архаичное относится к верхнему палеолиту (7–10 тысяч лет назад) — периоду, непосредственно предшествовавшему возникновению и распространению земледелия. Это было время, когда процветало кочевое скотоводство, общество характеризовалось партнёрскими взаимодействиями, а культура основывалась на животноводстве, шаманизме и поклонении Богине.

Я построил данное обсуждение в хронологическом порядке, причём в последних разделах, более всего ориентированных на будущее, рассматриваются и получают новое осмысление темы об архаичном, затронутые в первых главах. На каждом этапе пути пилигрима от фармакологии обсуждение

выходит на новый виток. Учтя это, я назвал четыре раздела книги «Рай», «Потерянный рай», «Ад» и (надеюсь, не слишком оптимистично) «Возвращённый рай?».

Судя по всему, у нас уже не получится относиться к употреблению наркотических средств так же, как и прежде. Будучи глобальным обществом, мы должны будем найти для нашей культуры новый определяющий образ, который будет сближать устремления человечества с потребностями планеты и отдельной личности. Анализ нашей экзистенциальной незавершенности, из-за которой нам приходится формировать в себе зависимость от растений и химических препаратов с наркотическим действием, наверняка покажет, что на заре истории мы утратили нечто очень ценное, и именно из-за этой утраты мы теперь страдаем нарциссизмом. Только восстановление отношений, сложившихся у нас с природой в результате употребления растительных препаратов с психотропным действием до упомянутой утраты, может дать нам надежду на будущее, благоприятное для человека и не связанное никакими ограничениями.

Прежде чем мы навсегда посвятим себя химере культуры без наркотиков, достигнутой ценой полного отказа от идеалов свободного и демократического мирового сообщества, нам придётся задать себе несколько трудных вопросов. Почему нас (как вид) настолько завораживают изменённые состояния сознания? Как они повлияли на наши эстетические и духовные устремления? Что мы потеряли, отрицая законность желания каждого человека использовать наркотические средства для личного познания трансцендентного и священного? Я надеюсь, что ответы на эти вопросы заставят нас обратить внимание на последствия того, что мы отрицаем духовное измерение природы, рассматриваем природу как некий «ресурс», который нужно добыть чуть ли не с боем и разграбить. Компетентное обсуждение этих вопросов было бы весьма некомфортным для приверженцев тотального контроля, бездумного религиозного фанатизма, унылого обывательского фашизма.

Вопрос об отношении общества в целом и отдельных лиц в частности к растениям с психотропным действием по состоянию на конец XX века приводит нас к более широкому вопросу: каким образом нас меняли союзы, которые мы заключали и расторгали с различными представителями растительного мира во время прохождения по лабиринту истории? Более подробно мы рассмотрим этот вопрос в следующих главах.

Первичный миф нашей культуры начинается в райском саду с поедания плодов древа познания. Если мы не извлечём уроки из нашего прошлого, эта история может закончиться пагубными последствиями для планеты: её леса сохранятся лишь в воспоминаниях, её биологическая целостность нарушится, наше наследие превратится в пустошь, поросшую сорняками. Если мы что-то упустили во время предыдущих попыток осознать своё происхождение и место в природе, можем ли мы сейчас оглянуться назад и осмыслить совершенно по-новому не только своё прошлое, но и грядущее? Если мы, как и когда-то, сможем воспринимать природу как некую живую тайну, то мы поверим и в новые перспективы, которые, несомненно, сулит нам культурное приключение, ожидающее нас в будущем. У нас есть возможность отойти от мрачного исторического нигилизма, характеризующего господство нашей глубоко патриархальной культуры, культуры доминирования. С точки зрения архаичного наши почти что симбиотические отношения с растениями с психотропным действием воспринимаются как источник озарений и откровений, проникающих из мира растений в мир людей, и мы вполне можем вернуться к такому восприятию.

Тайна нашего сознания и нашей способности к саморефлексии каким-то образом связана с этим каналом общения с незримым разумом — духом живой природы, как его характеризуют шаманы. Для шаманов и шаманских культур исследование этой тайны всегда было реальной альтернативой жизни в условиях материалистической культуры, полной ограничений. Мы, представители индустриальных

демократий, можем исследовать эти незнакомые нам измерения хоть сейчас или же можем подождать, пока приближающаяся гибель жизни на планете сделает все дальнейшие исследования ненужными.

Новый манифест

Таким образом, настало время полностью переосмыслить процесс привычного для нас использования растений с психотропным и физиологически активным действием в великом естественном дискурсе, который представляет собой историю идей. Мы должны извлечь уроки из крайностей прошлого (особенно тех, которые можно было наблюдать в 1960-х годах), но мы не можем бездумно отдать предпочтение идее «Просто скажи “нет”» или идее «Попробуй, тебе понравится». Мы также не можем поддерживать точку зрения, которая предполагает разделение общества на тех, кто употребляет наркотики, и тех, кто их не употребляет. Нам нужен комплексный подход к этим вопросам, учитывающий более глубокие эволюционные и исторические последствия.

Мутагенное воздействие продуктов питания на древних людей и влияние экзотических метаболитов на эволюцию их нейрохимии и культуры до сих пор остаётся неизученным. Выбор древними гоминидами всеядности и открытие ими возможностей определённых растений стали решающими факторами, вытеснившими первых людей из потока эволюции животных в постоянно ускоряющееся течение языка и культуры. Наши далёкие предки обнаружили, что употребление некоторых растений приводит к притуплению аппетита, ослаблению боли, возникновению всплесков энергии, повышению иммунитета против патогенов и активизации познавательной деятельности. Эти открытия заставили нас отправиться в долгий путь к саморефлексии. Когда мы стали всеядными и начали использовать инструменты, эволюция превратилась из процесса медленного изменения нашей физической формы в быстрое формирование культурных моде-

лей посредством разработки ритуалов, языков, письма, мнемонических навыков и технологий.

Причиной этих колоссальных изменений явилась прежде всего синергия людей и различных растений, с которыми они взаимодействовали и одновременно с которыми эволюционировали. Объективная оценка влияния растений на устойчивости человеческих институтов показала бы, что оно совершенно точно является первостепенным фактором. В будущем применение надёжных решений, подсказанных ботаникой (таких как прекращение прироста населения, извлечение водорода из морской воды и масштабные программы переработки отходов), может помочь реорганизовать наше общественное устройство и всю планету в целом, обеспечив согласование с более комплексными, экологически обусловленными неорхаичными направлениями.

Насильственное подавление естественного человеческого увлечения изменёнными состояниями сознания и сложившаяся ныне опасная ситуация, угрожающая жизни на Земле в целом, тесно связаны и имеют причинно-следственный характер. Когда мы подавляем в себе способность к достижению шаманского экстаза, мы перекрываем освежающий источник эмоций, которые проистекают из тесных, почти симбиотических отношений с землёй. Как следствие, развиваются и процветают неадекватное социальное поведение, поощряющее перенаселение, неправильное распоряжение ресурсами и загрязнение окружающей среды. Если рассмотреть уязвимость к последствиям поведения, характеризующегося плохой адаптацией, то можно обнаружить, что ни одна культура мира не характеризуется таким пристрастием к наркотикам, как культура индустриального Запада. Живя в сюрреалистической атмосфере нарастающих кризисов и непримиримых противоречий, мы привыкли замалчивать проблемы.

Как вид мы должны признать всю глубину сложившейся исторической дилеммы. Пока мы будем терпеть диктаторов от правительства и науки, которые осмеливаются предписывать людям, чем они могут интересоваться на законных основани-

ях, а чем — нет, мы будем продолжать играть лишь половиной колоды. Такое ограничение человеческого воображения унижительно и абсурдно. Правительство не только ограничивает исследования психоделиков, результаты которых могут содержать ценную психологическую и медицинскую информацию, но и считает нужным предотвратить использование этих веществ для религиозных и духовных целей. Использование растений с психоделическим действием для религиозных целей — это проблема гражданских прав; его ограничение представляет собой насильственное подавление религиозных чувств, противоречащее законодательству. Фактически подавляются не абстрактные религиозные чувства, а конкретные религиозные ощущения, берущие начало из отношений между растениями и людьми, которые существовали задолго до начала исторического периода в развитии человечества.

Мы больше не можем откладывать объективную переоценку сравнения реальных затрат и прибылей в случае традиционного использования растений и наркотических средств с реальными затратами и прибылями в случае запрещения их использования. Нашей всеобщей культуре грозит поистине оруэлловское решение проблемы с помощью военного и полицейского террора, направленного против потребителей наркотических средств из числа наших сограждан и против производителей наркотиков в странах третьего мира. Эта репрессивная реакция в значительной степени подпитывается недостаточно изученным страхом, порождённым дезинформацией и невежеством в вопросах истории.

Тот факт, что при мысли о наркотиках люди с западным образом мышления сразу начинают ощущать тревогу и требовать санкций, объясняется глубоко укоренившимися культурными предубеждениями. Изменения в сознании, вызванные наркотическими веществами, очень наглядно показывают, что наша духовная жизнь имеет вполне материальную основу. Таким образом, психотропные препараты бросают вызов христианскому постулату о нерушимости и особом онтологическом статусе души. Точно так же они бросают вызов совре-

менной идее эго, его нерушимости, а также связанных с ним управляющих структур. Короче говоря, опыт взаимодействия с психоделическими растениями ставит под сомнение всё мировоззрение культуры доминирования.

В данной переоценке истории мы часто будем сталкиваться с этой темой эго и культуры доминирования. Фактически ужас, который эго испытывает, видя, как исчезают границы между собственным «я» и окружающим миром, не только приводит к недопущению изменённых состояний сознания, но и объясняет в более общем плане подавление женского начала, чужеродных экзотических и трансцендентных ощущений. В доисторические (но уже послепалеолитические) времена, то есть примерно с 5000 по 3000 годы до н. э., угнетение общества, основанного на партнёрстве, захватчиками из числа приверженцев патриархального строя подготовило почву для того, чтобы шаманы больше не могли открыто заниматься экспериментальными исследованиями природы. В высокоорганизованном обществе место этой архаичной традиции заняли традиции верований, жречества, патриархата, ведения войны и, в конечном итоге, «рациональных и научных» ценностей — ценностей общества доминирования.

Вплоть до этого момента я использовал термины «партнёрство» и «доминирование» в применении к стилям культуры без объяснения причин. Этими полезными терминами я обязан Риан Айслер и её важному исследованию «Кубок и клинок», посвящённому переосмыслению истории [4]. Айслер выдвинула идею о том, что «партнёрские» модели общества предшествовали формам социальной организации, основанным на «доминировании», которые затем начали с ними соперничать и в итоге одержали полную победу. Культуры доминирования иерархичны, патерналистичны, материалистичны и характеризуются доминированием мужчин. Айслер считает, что за наше отчуждение от природы, от самих себя и от других ответственны напряжённость между организациями, характеризующимися партнёрскими отношениями, и организациями, основанными на доми-

нировании, а также слишком заметные проявления модели доминирования.

Айслер блестяще свела в единое целое возникновение человеческой культуры на древнем Ближнем Востоке и разворачивающиеся в обществе политические дебаты на тему феминизации культуры и необходимости преодоления моделей мужского доминирования для создания жизнеспособного будущего. Её анализ гендерной политики выводит уровень дебатов за пределы одобрения или осуждения того или иного древнего строя, характеризуемого как «матриархат» или «патриархат». В «Кубке и клинке» вводится понятие «общества партнёрства» и «общества доминирования»; автор этой книги использует археологические данные, чтобы доказать, что на обширных территориях на протяжении многих веков партнёрские общества древнего Ближнего Востока обходились без войн и потрясений. Войны и патриархат пришли на эти земли, когда люди узнали о ценностях общества доминирования.

Наследие эпохи доминирования

Наша культура, отравленная ядовитыми побочными продуктами технологий и эгоцентрической идеологии, к своему несчастью, унаследовала взгляды общества доминирования: согласно этим принципам, изменение сознания с помощью растений или наркотических веществ в какой-то мере представляет собой безнравственное, онанистическое и извращённо антиобщественное явление. Я же хочу заявить, что подавление шаманского гнозиса с его упором на экстатическое размывание границ эго лишило нас смысла жизни и сделало нас врагами планеты, самих себя и своих потомков. Мы убиваем планету, чтобы сохранить в неприкосновенности ошибочные предпосылки культурного стиля доминирующего эго. Настало время перемен.

Часть I

РАЙ

Глава 1

ШАМАНИЗМ: КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ

Раонги сидел неподвижно; темноту вокруг него разгонял лишь угасающий свет костра. Он чувствовал, как где-то глубоко внутри его тело изгибалось в разные стороны, словно заглатывающий добычу угорь. Когда эта мысль сформировалась в его голове, огромная голова угря, залитая голубым светом, послушно проявилась в затемнённом пространстве за его веками.

«Материнский дух первого водопада ...»

«Великая мать первых рек...»

«Покажись, покажись!»

Отвечая на голоса, затемнённое пространство за медленно вращающимся призраком угря заполнилось искрами; волны света вздымались всё выше и выше, гулкие раскаты грохота становились всё громче.

— Это первая мариа, — слышался голос Манги, старшей шаманки деревни Харокамена. — Она сильная. Очень сильная.

Манги молчит, пока видения над ними блекнут. Сейчас они находятся на грани Вентури — реального мира, синей сферы. Звуки от падения дождевых капель снаружи сливаются в невнятный шум. В шорох сухих листьев вплетается далёкий звон, больше похожий на свет, чем на звук.

* * *

До относительно недавнего времени обряды, практикуемые Манги и её единоплеменниками с далёких берегов Амазонки, были типичными: такие можно было встретить у

приверженцев любой религиозной практики. Однако в последние несколько тысячелетий теология и ритуал приняли более сложные (хотя и необязательно более практичные) формы.

Шаманизм и обычная религия

Перед тем как в начале 1970-х перебраться в верховья Амазонки, я провёл несколько лет среди азиатов. Азия — это то самое место, где осколки забытых религиозных онтологий усеивают пыльный ландшафт, словно панцири скарабеев, отполированные песком. В поисках чудесного я объездил всю Индию. Я посещал её храмы и ашрамы, её джунгли и горные убежища. Но одной лишь йоги, этого призвания на всю жизнь, предмета одержимости немногочисленных аскетов, приученных к самодисциплине, оказалось недостаточно, для того чтобы помочь мне добраться к внутренним ландшафтам, предметам моих поисков.

В Индии я узнал, что религия всегда и везде, в тех местах, где угасает яркое пламя духа, представляет собой не более чем суету. Во взглядах религиозных скульптур, сохранившихся на протяжении четырёх тысячелетий существования жречества в Индии, читается многовековая усталость. Современная индуистская Индия для меня оказалась одновременно антитезой и соответствующей прелюдией к почти что архаичному шаманизму, который я обнаружил в районе нижнего течения реки Путумайо в Колумбии, когда прибыл туда для изучения использования шаманами галлюциногенных растений.

Шаманизм — это практика верхнепалеолитической традиции целительства, гадания и театрального представления; она основана на природной магии, к которой впервые начали прибегать 10-50 тысяч лет назад. Мирча Элиаде, автор книги «Шаманизм: архаические техники экстаза», крупнейший авторитет в области шаманизма в контексте сравнительного религиоведения, показал, что шаманизм всегда и везде отличался удивительной внутренней согласованностью практики

и веры. Независимо от личности шамана, будь он инуитом из Арктики или уитото из верховьев Амазонки, определённые техники и ожидаемые результаты остаются неизменными. Самый важный из этих неизменных признаков — экстаз; мы с братом это отмечаем в нашей книге «Невидимый пейзаж»:

Экстатический аспект шаманской инициации проанализировать сложнее, поскольку он зависит от определённой восприимчивости новичка к состояниям транса и экстаза. Новичок может проявлять раздражительность, иногда — ранимость и слезливую сентиментальность, предрасположенность к одиночеству; кроме того, он может оказаться эпилептиком или кататоником либо продемонстрировать иную форму отклонения от психологической нормы (хотя так бывает не всегда, как утверждают некоторые ученые, опубликовавшие результаты исследований по данной тематике) [1]. В любом случае, его психологическая предрасположенность к экстазу формирует только отправной момент его инициации. После более или менее отчётливых проявлений психосоматики или психопатологии новичок в конце концов ощущает, что его лихорадит, и входит в транс. Он лежит сутками, подобно мёртвому; в это время во снах его посещают духи-помощники, и он может получать от них наставления. В ходе затяжного транса новичок обязательно переживает мистическую смерть и воскрешение. Он может обнаружить, что его плоть истлела, а затем восстановилась. Или же он может увидеть, что его варят в котле, после этого его пожирают демоны, но затем он снова оказывается целёхоньким. Также он может почувствовать, что его оперируют духи: они извлекают внутренности и заменяют их «магическими камнями», а потом опять зашивают.

Элиаде показал, что, хотя отдельные мотивы могут различаться в разных культурах и даже у разных людей, общая структура шаманизма однозначна: шаман-неофит проходит через символическую смерть и воскрешение, и это событие означает его однозначный переход в сверхчеловеческое состояние. Отныне шаман имеет доступ к сверхчеловеческому

плану, является мастером экстаза, может путешествовать в духовных сферах по своему желанию, а также, что важнее всего, может лечить и пророчествовать. В «Невидимом ландшафте» мы отмечали:

Короче говоря, шаман переходит из мирского в священное состояние бытия. Он не только себя излечил посредством мистической трансмутации, он теперь — обладатель силы священного, поэтому он может лечить и других. Важно помнить: шаман — это нечто большее, нежели просто больной или душевнобольной. Он — больной, излечивший себя, он исцелён; но ему следует «шаманизироваться», чтобы остаться исцелённым [2].

Следует отметить, что Элиаде использовал слово «мирское» намеренно: он хотел чётко разделить понятия мирского мира обычных ощущений и священного мира — мира «Совсем Иного» [3].

Техники экстаза

Не все шаманы для достижения экстаза используют метод опьянения растениями, однако любая шаманская практика направлена именно на то, чтобы вызвать экстаз. Бубен, дыхательные приёмы, разные суровые испытания, голодание, половое воздержание — для шаманства используются самые разные методы вхождения в транс, проверенные временем. И всё же ни один из этих методов не может сравниться с таким древним и потрясающе эффективным методом, как использование растений, которые содержат химические соединения, вызывающие видения.

Некоторым жителям Запада эта практика использования опьяняющих галлюциногенных растений может показаться чуждой или удивительной. Наше общество считает психотропные препараты несерьёзными или опасными; в лучшем случае люди полагают, что их следует применять для лечения тяжёлых психически больных, в тех случаях, когда

другие методы оказываются малоэффективными. Услышав слово «целитель», мы представляем себе медика, который обладает специальными знаниями и может применять их для лечения. Однако такие специальные знания современного врача — это клинические знания, они почти никак не связаны с переживаниями каждого отдельно взятого, конкретного человека.

С шаманизмом всё иначе. Как правило, если используются наркотики, то их принимает шаман, а не пациент. Мотивация тоже совсем другая. Растения, которые использует шаман, не предназначены для стимуляции иммунной системы или других природных механизмов защиты организма от болезней. Шаманские растения скорее позволяют целителю попасть в некую невидимую область, в которой вместо причинной обусловленности привычного мира действует логика природной магии. В этой области язык, идеи и смысл имеют большую силу, нежели причина и следствие. Симпатии, резонансы, намерения и личная воля усиливаются лингвистическим путём посредством поэтической риторики. Подключается воображение; иногда формы, которые оно принимает, доступны даже обычному взгляду. В магическом мировоззрении шамана обычные связи мира, а также то, что мы называем законами природы, ослабляются или игнорируются.

Мир, сотворённый из языка

Свидетельства, собранные за тысячелетия использования шаманских практик, доказывают, что мир на самом деле в некотором роде состоит из языка. Хотя это радикальное утверждение и расходится с оценками современной науки, оно, тем не менее, во многом согласуется с современным лингвистическим мышлением.

— Лингвистическая революция XX века, — говорит антрополог Бостонского университета Мисия Ландау, — это признание того, что язык представляет собой не только средство для передачи идей о мире, но и прежде всего инструмент для

создания мира. Реальность не просто «ощущается» или «отражается» в языке, а фактически создаётся языком [4].

С точки зрения шамана, использующего психоделические средства, окружающий мир по сути — это скорее изречение или повествование, нежели лептоны и барионы или заряды и спины, о которых говорят физики — наши первосвященники. Для шамана Вселенная — это нечто вроде легенды, которая становится реальностью по мере того, как её рассказывают, и по мере того, как она рассказывает сама себя. Эта точка зрения подразумевает, что человеческое воображение может стать движущей силой бытия. Если её принять, то окажется, что свобода, личная ответственность и осознание истинных размеров и разумности мира объединяют свои возможности, создавая основу для настоящей, неоархаичной жизни. Уважительное отношение к языку и общению и овладение их возможностями — такова основа шаманского пути.

Вот почему именно шаманов следует считать далёкими предшественниками поэтов и художников. Наша потребность ощущать себя частью мира, судя по всему, требует от нас самовыражения через творческую деятельность. Основные источники этой креативности скрываются в тайне языка. Шаманский экстаз — это акт добровольного самоотречения, который подтверждает существование как личностного «я», так и тайны бытия, в пользу которой происходит этот отказ от собственного «я». Поскольку наше видение реальности определяется текущими обстоятельствами, мы начинаем утрачивать осознание более масштабных пространственно-временных структур. Такие пространственно-временные структуры и нашу роль в них можно осмыслить только через получение доступа к Трансцендентному Иному. Шаманы пытаются прийти к этому видению более высокой ступени, и задача эта решается через покорение лингвистических вершин. Шаман — это тот, кто обрёл видение всех начал и концов и может передать его другим. Для рационально мыслящего человека подобное немислимо, однако методы шаманов направлены как раз на достижение такой цели, и именно в этом заключается источ-

ник их силы. Из шаманских техник одной из самых известных является использование растительных галлюциногенов, хранилищ тогдашних живых знаний — ныне почти забытых, оставшихся в нашем далёком прошлом.

Попав в царство растительного разума, шаман в некотором смысле обретает способность воспринимать информацию из более высоких измерений. Здравый смысл говорит о том, что, несмотря на постоянное развитие языков, исходные понятия, выражаемые на любом языке, относительно постоянны и являются общими для всех людей. Тем не менее, мы также знаем, что в языке хопи нет ни прошедшего, ни будущего времени, даже концепций таких нет: как же тогда мир хопи может быть похож на наш? А у инуитов нет местоимений первого лица: аналогично, как же тогда их мир может быть похож на наш?

Граматики языков, их внутренние правила, были тщательно изучены. Однако слишком мало внимания уделялось изучению того, как именно язык создаёт и определяет границы реальности. Возможно, язык можно будет лучше понять, если начать рассматривать его как магию, так как неявная точка зрения магии заключается в том, что мир состоит из языка.

Если язык должен восприниматься как изначальная данность, то получается, что мы, жители Запада, к сожалению, заблуждались. Только шаманские подходы могут дать ответы на более всего интересующие нас вопросы: кто мы, откуда пришли и к какой судьбе движемся? Ещё никогда эти вопросы не были такими важными, как сейчас, в эпоху, когда вокруг нас на каждом шагу можно найти доказательства неспособности науки взлелеять душу человечества. Это не просто кратковременное томление духа; если мы не будем осторожны, то коллективному телу и духу вскорости настанет конец.

Рациональные, механистические и антидуховные предубеждения нашей собственной культуры не позволяют нам оценить образ мышления шамана. Мы в культурном и лингвистическом плане слепы и не можем разглядеть силы и вза-

имосвязи, ясно видимые теми, кто сохранил архаичное отношение к природе.

Когда я прибыл в район Амазонки 20 лет назад, я, разумеется, ещё ничего об этом не знал. Как и большинство жителей Запада, я считал, что магия — это понятие из разряда невежественного и первобытного и что наука может дать объяснение тому, как устроен мир. Именно тогда я, молодой наивный интеллектуал, впервые столкнулся с псилоцибиновыми грибами в Сан-Аугустино в департаменте Верхняя Магдалена на юге Колумбии. Позднее в близлежащем городе Флоренсия я также обнаружил и попробовал галлюциногенный напиток из плодов лиан банистериопсис: речь идёт о яхе (аяуаске), андерграундной легенде 1960-х годов [5].

Ощущения, испытанные мной во время этих путешествий, изменили меня как личность, а также, что более важно, познакомили меня с переживаниями, чрезвычайно важными для восстановления социального и экологического равновесия нашего мира.

Я приобщался к групповому разуму, который возникает во время пророческих сеансов аяуаскеры. Я видел волшебные стрелы из красного света, которые один шаман метал в другого. Но ещё большим откровением, чем паранормальные умения одарённых магов и духовных целителей, оказалось внутреннее сокровище, обнаруженное мной в собственном сознании на пике этих ощущений. Я предлагаю свой отчёт как своего рода свидетель, как рядовой обыватель; если это всё случилось со мной, то оно может оказаться доступным для всех обитателей нашего мира.

Концепция шаманизма

Моё шаманское обучение не было каким-то особым. Тысячи людей тем или иным образом уже пришли к выводу о том, что растения с психоделическими свойствами и шаманские практики, предполагающие использование этих растений, представляют собой надежные инструменты для исследова-

ния внутренних глубин человеческой психики. В настоящее время шаманы, употребляющие психоделики, превратились в целую субкультуру исследователей гиперпространственных измерений (причём многие из них владеют специальными научными знаниями), и число приверженцев этой субкультуры во всём мире постоянно растёт.

Понимание того, как достичь такого баланса, до сих пор можно обрести в забытых и погранных культурах тропических лесов и пустынь третьего мира, а также в заповедниках и резервациях, в которые представители культуры доминирования загоняют коренных жителей. Не исключено, что шаманские знания умирают: перемен, разумеется, не избежать. Тем не менее, растительные галлюциногены, из использования которых возникла эта древнейшая из человеческих религий, остаются, так сказать, чистым проточным источником с освежающей, как и прежде, водой. Шаманизм жизненно важен, так как позволяет каждому принять вызов и встретиться с чудом, ощутить возбуждение и экстаз, вызываемые галлюциногенными растениями.

Моё знакомство с шаманизмом и галлюциногенами на Амазонке убедило меня в их крайней важности в деле спасения человечества. Осознав это, я решил отфильтровать разный языковой, культурный, фармакологический и индивидуальный шум, скрывавший Тайну. Я надеялся выделить сущность шаманизма, проследить за явлением божественной сущности, чтобы определить место её обитания. Я хотел заглянуть за облачение, вздымающееся во время её кружения в танце. словно некий подглядывающий Том из старого английского фильма, я мечтал наконец узреть её нагую красоту.

Какой-нибудь циник, любящий доминировать, наверняка решил бы забыть об этом романтическом юношеском бреде. По иронии судьбы одно время я был именно таким циником. Я ощущал безумие этого приключения. Я реально оценивал шансы. «Иное? Платоническая любовь к нагой красавице? Да ты прикалываешься!»

И надо признать, что на этом пути меня ожидало много разных злоключений. «Мы должны стать юродивыми», — однажды заявил мой знакомый, заядлый поклонник дзен-буддизма, имея в виду: «Отправляйся в путь». «Поискать и найти» — именно в этом состояла суть метода, которого я придерживался в прошлом. Я знал, что шаманские практики, основанные на использовании галлюциногенных растений, ещё сохранились в Амазонии, поэтому я был полон решимости убедиться в том, что за этим фактом скрывается великая тайна, как это подсказывала мне интуиция.

* * *

Реальность превзошла все опасения. Покрытое пятнами лицо старой прокажённой показалось мне ещё более отталкивающим, когда она добавила в костёр дров, и огонь ярко полыхнул. В полумраке позади неё я увидел проводника, который и привёл меня в это безымянное место на Рио-Кумала. Случайно встретив в баре приречного города лодочника, который согласился отвезти меня к героине местных легенд, колдунье, которая творила чудеса с помощью аяуаски, я подумал, что это отличный шанс услышать интересную историю. Теперь я уже не был в этом уверен — после того как три дня путешествовал по реке и в течение нескольких часов брёл по тропкам, покрытым таким слоем грязи, что сапоги в неё засасывало с каждым шагом. В этот момент объект моих поисков, настоящая аяуаска из дремучего леса (которая, как мне рассказывали, может дать сто очков вперёд помоям рыночных шарлатанов), вряд ли меня интересовала.

— Держи, кабальеро! — хихикнула старая женщина, протягивая мне полную чашку чёрной тягучей жидкости. Её блестящая поверхность была похожа на моторное масло.

Должно быть, она уже срослась с этой ролью, подумал я, потягивая напиток из чашки. Он был тёплым и солёным, мучнистым и сладко-горьким. На вкус он был похож на кровь какого-то очень старого существа. Я старался не думать о том, что я сейчас нахожусь во власти этих странных людей. Я просто боялся проникнуться этой мыслью. Взгляды доньи

бые стимуляторы с недеструктивным или контролируемым воздействием входили в рацион приматов задолго до появления гоминид. Кофеин — это тот самый алкалоид, который в большинстве случаев заставляет человека обращать внимание на растения, оказывающие стимулирующее действие. Он является мощным стимулятором, который проявляет свои свойства в достаточной мере при употреблении дозы, намного меньшей, чем токсическая. Кофеин содержится в чае и кофе, а также во многих других растениях, таких как *Ilex paraguayensis*, поставляющий сырье для мате, или *Paullinia yoco* — притупляющая аппетит амазонская лиана; способы употребления последних были разработаны и строго ритуализированы с учётом местной специфики ещё в древности.

Кофеин горек на вкус, поэтому неизбежное открытие того обстоятельства, что эту горечь можно в какой-то степени нейтрализовать, если добавить в напиток мёда или сахара, заложило основу для очень распространённого и мало кем отмечаемого синергетического эффекта между сахаром и различными напитками, содержащими кофеин. Способность сахара вызывать привыкание усиливается, если сахар используется, помимо прочего, для улучшения вкуса стимулирующих алкалоидов, таких как кофеин.

В культурном отношении сахар определяется нами как пища. Данное определение по сути отрицает тот факт, что сахар может действовать как наркотик, вызывающий сильное привыкание, однако доказательства этому можно наблюдать повсюду. Многие маленькие и взрослые сладкоежки живут в мотивирующем окружении, поэтому у них часто наблюдаются перепады настроения, вызванные тягой к сахаросодержащим продуктам.

Кофе и чай:

новые альтернативы алкоголю

Чай, кофе и какао были завезены в Англию, можно сказать, одновременно: в 1650-х годах. Впервые в истории хрис-

тианской Европы появилась альтернатива алкоголю. Все три напитка были стимуляторами; все они готовились на горячей кипячёной воде, и, таким образом, употреблявшие их люди не рисковали заразиться через воду, что в то время было обычным явлением. Кроме того, способ употребления предусматривал большое количество сахара. Помешательство на сахаре способствовало потреблению кофе, чая и шоколада, что, в свою очередь, способствовало потреблению сахара, и тогда в тех же колониальных владениях, которые уже показали свою прибыльность в производстве сахара, начали выращивать новые растения-стимуляторы. Чай, кофе и какао давали возможность разнообразить производство сельскохозяйственных культур в колониях и, следовательно, повысить экономическую стабильность как колонии, так и метрополии.

К 1820 году чай в Европу ежегодно ввозили тысячами тонн, причём в одном только Соединённом Королевстве потреблялось около 30 миллионов фунтов. С середины XVII до начала XIX веков весь чай для европейского рынка поступал из прибрежного города Кантон на юге Китая. Покупателям чая не разрешалось проникать вглубь страны, им никто не рассказывал, как выращивают и собирают чай. По словам Хобхауса, «история пошутила над Европой: в течение почти двух столетий товар импортировался через полмира, возникла целая отрасль, на долю которой приходилось 5% всего валового внутреннего продукта Англии, — и никто не знал, как надо выращивать, готовить к продаже и купажировать чай» [7].

Такое незнание не являлось препятствием для коммерческого использования чая; а вот взятие Константинополя турками в 1453 году, безусловно, таковым стало. Когда торговые пути через восточное Средиземноморье перешли в руки турок, стало ясно, что надо развивать навигацию и судостроение, чтобы эффективнее использовать океанский путь на восток вокруг мыса Доброй Надежды. Этот маршрут был открыт Васко да Гамой ещё в 1498 году.

Когда голландские и португальские мореплаватели в конце концов достигли Молуккских островов в восточной части Индонезии (они тогда назывались Островами пряностей), пряности в Европе сильно подешевели, и между всеми участниками рынка началась борьба за создание монополий. Лучше всего могли поддерживать монополию торговые компании, то есть группы торговцев, объединившихся для уменьшения рисков для капитала и снижения конкуренции. Рейсы больших, хорошо вооружённых кораблей различных Ост-Индских компаний означали конец эпохи капитанов торговых судов, работающих на себя. В 1600 году была основана Британская Ост-Индская компания, которой суждено было стать самой значительной из торговых компаний.

С этого момента и до 1834 года, когда сторонники свободного рынка начали торговать чаем со всеми заинтересованными сторонами, компания контролировала реализацию чая к своей большой выгоде:

Считалось, что Британская Ост-Индская компания повышала цену на чай как минимум на треть, что в результате принесло ей по 100 фунтов стерлингов с каждой тонны из 375 тысяч тонн, импортированных в XVIII веке. Эта общая сумма не отражает роста барышей Ост-Индской компании: начав с суммы, равнозначной 17 миллионам долларов, в начале века, к 1800 году она получала в эквиваленте уже 800 миллионов долларов ежегодно. Ост-Индская компания была крупнейшей коммерческой структурой, к которой испытывали ненависть и отвращение как контрабандисты, так и потребители; она превратилась в символ коррумпированной, чванливой монополии [8].

Чай как заварка для революции

К концу XVIII века торговля чаем переживала кризис, и в связи с этим правительство лорда Норта приняло ряд необдуманных решений, которые могли не только уничтожить эту

торговлю, но и привести к потере английских колоний в Северной Америке. Стратегия Норта заключалась в том, чтобы продавать чай в колониях по сниженным ценам, что позволило бы самим избавиться от лишних запасов и вытеснить из торговли конкурентов-контрабандистов. Он также решил ввести небольшой и, по его мнению, несущественный налог на чай, отправляемый в колонии, — просто для того чтобы заставить непослушных колонистов подчиниться имперской власти. Как известно, в условиях политических беспорядков, охвативших тогда американские колонии, этот чайный налог оказался той самой последней соломинкой, которая сломала спину верблюду. 16 декабря 1773 года в Бостоне радикально настроенные колонисты уничтожили груз чая, находившийся на борту кораблей Его Величества. Можно сказать, вечером того дня был заварен солёный чай революции. Происходили и другие «чаепития» — в Нью-Йорке, Чарльстоне, Саванне и Филадельфии. Всё могло бы закончиться через несколько недель, если бы британское правительство в ответ не объявило бостонский порт закрытым, что неизбежно привело к принятию Декларации независимости.

К началу 1800-х годов в торговле чаем ощущалось напряжение. На европейском континенте результатом наполеоновских войн стало обнищание государств. Начали печатать бумажные деньги, не обеспеченные золотом, и эта практика в конечном итоге вызвала серьёзную инфляцию: затраты на изготовление продуктов росли быстрее цен, что привело к экономической нищете. Идеальным выходом от этого экономического тупика стал опиум.

Циклы эксплуатации

Торговля опиумом была ничем иным, как британской диверсией против населения Китая, и велась она до тех пор, пока ограничения китайского правительства на ввоз опиума не были полностью отменены. По похожему образцу действовали и в нашем столетии. Подобно тому, как торговцы чаем

адаптации к другой культурной среде. Аяуаскерос используют звуковые эффекты и внушение, для того чтобы направить исцеляющую энергию к определённым частям тела и на неисследованные аспекты личной истории человека, на которые оказало воздействие психическое напряжение. Нередко эти методы обнаруживают поразительные параллели с методами современной психотерапии; в других случаях они, похоже, демонстрируют овладение возможностями и энергиями, до сих пор не признанными западными теориями лечения.

Наиболее интересными в контексте аргументов, приводимых в этой книге, являются упорные слухи о состояниях, при вхождении в которые возникает групповой разум или наблюдается телепатия. Такие слухи встречаются у племенных народов, среди которых не насаждалась европейская культура. Складывавшиеся веками скептицизм и эмпиризм заставят нас счесть эти утверждения невероятными, однако нам всё же следует хорошо подумать, прежде чем прийти к такому решению. Главный урок, который следует извлечь из опыта употребления галлюциногенов, заключается в определении того, в какой степени неисследованные культурные ценности и языковые ограничения сделали нас невольными заложниками своих собственных убеждений. Должно существовать какое-то объяснение того, что люди всегда, независимо от места своего проживания, проводили параллели между употреблением индольных галлюциногенов и магическим самоисцелением и регенерацией. Среди таких групп населения редко встречаются тяжёлые психические заболевания, что подтверждается документально.

Отец психофармакологии

Психофармакологи лишь совсем недавно стали проявлять интерес к использованию аборигенами галлюциногенных растений. Началось всё примерно 100 лет назад, во время поездки немецкого фармаколога Льюиса Левина в Соединённые Штаты.

Возвращаясь в Берлин в 1887 году, Левин взял с собой некоторое количество «пуговок» (дискообразных стеблей) пейотля — кактуса, вызывающего видения (его употребление практикуют индейцы из пустыни Сонора); эти пуговики он получил от компании «Parke-Davis» во время своего пребывания в Детройте. Далее Левин приступил к извлечению новооткрытых соединений, их описанию и самостоятельным экспериментам с ними. За 10 лет пейотль привлёк достаточно внимания, и в 1897 году филаделфийский писатель и врач Сайлас Уэйр Митчелл стал первым гринго (то есть иностранцем), описавшим впечатления от опьянения пейотлем:

Зрелище, которое я наблюдал в течение волшебных двух часов, невозможно описать словами; ни один язык не может передать красоту и великолепие того, что я лицезрел. Звёзды [...] превратились в тонкие плавающие цветные плёнки [...] затем по полю зрения внезапно пронёсся поток бесчисленных точек белого света — перед глазами словно текла сверкающая река из неразличаемых глазом миллионов звёзд Млечного Пути [...] зигзагообразные линии, окрашенные в очень яркие цвета [...] всё это распространяющееся во все стороны цветное великолепие исчезло, прежде чем я смог разобраться с цветами. После этого впервые появились разные объекты, связанные с цветами. Белое копьё из серого камня выросло до огромной высоты и превратилось в высокую, богато отделанную готическую башню, построенную по какому-то очень сложному проекту, с множеством обветшалых статуй, стоящих в дверных проемах или на каменных опорах. Куда бы ни падал мой взгляд, каждый угол, каждый карниз и даже каждый стык камней тут же понемногу покрывались чем-то вроде скоплений огромных драгоценных камней (но не огранённых); некоторые из которых были похожи на грозди прозрачных плодов [5].

Мескалиновые наслаждения

В 1897 году Артур Хефтер, соперник Левина, первым выделил в чистом виде и попробовал мескалин. Мескалин — это

сильнодействующее галлюциногенное соединение фенилэтиламин, которое содержится в кактусе пейотль *Lophophora williamsii*. Индейцам северной Мексики мескалин знаком как минимум несколько столетий, а в Перу, где его получают из других кактусов, не из пейотля, его история насчитывает уже не менее нескольких тысяч лет.

Психолог и один из основателей сексологии Хэвлок Эллис, следуя примеру Уэйра Митчелла, вскоре и сам описал приятные ощущения от употребления мескалина:

Видения никогда не представляли в виде знакомых предметов; они были окончательно сформированными, но при этом всегда изображали нечто невиданное; их контуры постоянно приближались к очертаниям чего-то известного, но тут же искажались до неузнаваемости, так и не приняв окончательной формы. Я видел великолепные тучные поля, усыпанные драгоценными камнями, которые лежали как по одному, так и кучками; иногда камни блестели и сверкали, иногда окутывались плотным тусклым сиянием. Затем они принимали форму цветов, после этого превращались в изумительно красивых бабочек; иногда перед моими глазами представляли нескончаемые изгибы блестящих переливчатых крыльев удивительных насекомых [...]. Появляются чудовищные формы, сказочные пейзажи и т. д. [...] Нам кажется, что любая схема, в которой последовательным стадиям состояния после употребления мескаля будут ставиться в соответствие различные видения, должна считаться весьма условной. Единственное, что можно утверждать наверняка в отношении последовательности видений, так это то, что за самыми элементарными видениями следуют более сложные [6].

Мескалин, более сильнодействующий, чем каннабис или опиум, предстал перед экспериментаторами проводником в искусственный рай. Описания ощущений после приёма мескалина не могли не привлечь внимания сюрреалистов и психологов, которые также увлекались образами, скрывавшимися в глубинах переопределяемого бессознательного. Доктор Курт Берингер, ученик Левина и знакомый Германа Гессе и Карла

Юнга, стал основателем психоделической психиатрии. Его феноменологический подход давал надежду на перспективное будущее. Он провёл сотни экспериментов с мескалином на людях. Рассказы его подопытных просто завораживают:

Затем — снова темная комната. Меня снова посетили видения фантастических архитектурных сооружений: бесконечные коридоры в мавританском стиле, движущиеся подобно волнам, чередовались с удивительными изображениями лубопытных фигур. Очень часто в этом бесконечном разнообразии встречалось изображение креста. Центральные линии орнамента беспрерывно ползли, извивались, словно змеи, или расходились в стороны прямыми отрезками. Снова и снова возникали кристаллы; они меняли форму, цвет и частоту, с которой они появлялись перед глазами. Затем изображения становились более устойчивыми, медленно формируя две огромные космические системы, разделённые условной линией на верхнюю и нижнюю половины. Сияя собственным светом, они наконец проявились в безграничном пространстве. Изнутри расходились всё новые и новые лучи всё более насыщенных цветов; постепенно меняя очертания, они в конце концов приняли форму продолговатых призм и начали сближаться, то притягиваясь, то отталкиваясь [7].

В 1927 году Берингер опубликовал свой главный труд «*Der Meskalinrausch*» («Эйфория от мескалина»), который в своё время перевели на испанский, но на английский язык так никто и не перевёл. Это выдающееся произведение подготовило почву для создания целой науки — исследовательской фармакологии.

В следующем году вышла на английском языке книга Генриха Клювера «*Mescal, the Divine Plant and Its Psychological Effects*» («Мескаль, божественное растение и его психологическое воздействие»). Клювер, чья работа основывалась на наблюдениях Уэйра Митчелла и Хэвлока Эллиса, вновь познакомил англоговорящих читателей с понятием психоделической фармакологии. Особенно важным было то, что Клювер серьёзно отнёсся к содержанию наблюдаемых им галлюцина-

ций и стал первым исследователем, попытавшимся составить феноменологическое описание ощущений от приёма психоделиков:

Облака, плывущие через оптическое поле слева направо. Хвост фазана (в центре поля) превращается в ярко-жёлтую звезду, звезда — в искры. Движущийся сверкающий винт; сотни винтов. Последовательность быстро меняющихся объектов, окрашенных в цвета, приятные для глаза. В центре серебристого фона — вращающееся колесо (диаметр около 1 см). Внезапно в колесе появляется лик Бога — такой же, как и на старых христианских изображениях. Намерение увидеть однородное тёмное поле зрения: появляются красные и зелёные туфли. Появляющиеся объекты в большинстве своём находятся намного ближе расстояния для чтения [8].

Современный ренессанс

Исследования индольных галлюциногенов также проводились в 1920-х годах. В Германии психофармакология тогда переживала «эпоху возрождения». Как раз в это время Левин и другие исследователи заинтересовались гармином — индолом, единственным источником которого считалась *Banisteriopsis caapi*, древовидная лиана, которую Ричард Спрус обнаружил почти 80 лет назад. Действительно, последняя работа Левина наглядно показывает его увлечение этой лианой; она была опубликована в 1929 году под названием «*Banisteria Caapi, ein neues Rauschgift und Heilmittel*» («*Banisteria Caapi*, новое наркотическое средство и лекарство»). Воодушевление Левина и его коллег легко объяснимо: этнографы, такие как немец Теодор Кох-Грюнберг, вернулись из бассейна Амазонки с рассказами о племенах, где используют особые растительные препараты, пробуждающие телепатические способности, чтобы с их помощью направлять общественное развитие. В 1927 году химики Э. Перро и М. Раймон-Аме выделили из *Banisteriopsis caapi* активное вещество и назвали его телепатином. Через некоторое время,

Новые моменты

Индольные галлюциногены, неизученные и запрещённые законом, показаны здесь как движущие факторы эволюционных изменений. Эти биохимические соединения в конечном счёте оказывают влияние не на непосредственные ощущения индивидуума, а на генетическую структуру вида. В предыдущих главах обращалось внимание на тот факт, что обострение зрения, улучшение репродуктивных способностей и усиление стимуляции протолингвистических функций мозга — это вполне логичные последствия включения псилоцибина в рацион питания раннего человека. Если бы можно было доказать предположение о том, что человеческое сознание возникло в результате синергического воздействия индольных галлюциногенов и других факторов развития нервной системы, то наше восприятие самих себя, наше отношение к природе и нынешняя дилемма, касающаяся употребления наркотиков, претерпели бы значительные изменения.

Мы не сможем решить проблему наркотиков, или проблему охраны окружающей среды, или проблему с накопившимся ядерным оружием до тех пор, пока (если) мы снова не станем связывать восприятие себя как вида с Землёй. Такое решение должно начаться с анализа уникального сочетания условий, необходимых, чтобы животное сознание возвысилось до того, что смогло бы осуществлять самоанализ. Как только будет осмыслена центральная роль симбиоза человека и растения в сценарии нашего происхождения, где посредником выступают галлюциногены, мы сразу получим возможность правильно оценить невротическое состояние, в котором мы ныне пребываем. Усвоение уроков, извлечённых из этих древних событий, которые способствовали нашему становлению как вида, может заложить основу для решений, которые будут удовлетворять не только потребность общества в контроле употребления психоактивных веществ и злоупотребления ими, но и нашу глубокую и постоянно растущую потребность в духовном измерении.

Ощущения от употребления ДМТ

Ранее в этой главе отмечалось, что ДМТ представляет особый интерес. Что можно сказать об ощущениях от употребления ДМТ и его связи с нашей духовной пустотой? Помогает ли он нам найти ответы? Можно ли ощущения от употребления триптаминов короткого действия считать аналогичными экстазу общества партнёрства тех времён, когда рай ещё не превратился в воспоминание? И если да, то что мы можем об этом сказать?

Я много раз пытался постичь мир галлюциногенных индолов, и меня неоднократно впечатляли трансформации речи и языка. Ощущение, которое охватывает всё ваше существо, когда вы ныряете в экстаз от ДМТ, похоже на проникновение через мембрану. Разум и собственное «я» буквально раскрываются перед вашими глазами подобно цветку. Человек чувствует себя так, словно его создали заново, но при этом в нём ничего не изменилось (как если бы его сделали из золота, а затем заново переплавили в горниле). Дыхание нормальное, сердцебиение ровное, разум ясный и острый. Но как же насчёт окружающего мира? Как насчёт поступающих сенсорных данных?

Под влиянием ДМТ окружающий мир превращается в арабский лабиринт, в дворец, в какую-то марсианскую драгоценность, чьи бесчисленные узоры на поверхности заполняют прорехи разума, заставляя ощущать немое благоговение. На протяжении всего сеанса мы не перестаём восхищаться цветами и ощущением тайны, раскрывающей перед нами окружающую реальность. Мы переживаем впечатления, характерные для других времён, возвращаемся в младенчество и испытываем ощущение чуда, настоящего чуда, самого настоящего чуда. Это как аудиенция у инопланетного нунция. Посреди всех этих ощущений (вероятно, в самом конце человеческой истории) Эон охраняет врата, которые непременно должны открыться в ревущем водовороте невыразимой пустоты между звёздами.

Эон, как прозорливо заметил Гераклит, — это ребёнок, играющий с костями. Там присутствует множество крохотных существ — маленьких сорванцов, меняющих облик машинных эльфов гиперпространства. Может, это дети, которым ещё только суждено появиться на свет? Создаётся впечатление, что человек попадает в царство душ, находящееся за воротами того, что мы простодушно именуем смертью. Я не знаю, так ли это. Может, они — это синестетическое воплощение нас самих в качестве Иного или Иного в качестве нас самих? Или это эльфы, которых мы теряем, когда угасает волшебный свет детства? Здесь *tremendum* («священный трепет»), о котором вряд ли получится что-то рассказать, здесь прозрение, превосходящее наши самые смелые мечты. Здесь царит нечто более странное, чем мы можем себе представить. Здесь тайна — живая и невредимая, такая же новая для нас, как и для наших предков, живших 15 тысяч лет назад. Триптаминовые сущности предлагают в дар новый язык; они поют жемчужными голосами, которые разлетаются цветными лепестками и текут по воздуху, как раскалённый металл, становясь игрушками, а также дарами, достойными детей богов. Ощущение эмоциональной связи ужасает, оно очень сильно. Раскрытые Тайны абсолютно реальны; если эти загадки когда-нибудь расшифруют полностью, то они не оставят и камня на камне от того маленького мира, который так пагубно на нас повлиял.

Это не непредсказуемый мир НЛО, которые прилетят, если забраться на вершину холма и позвать; это не песнь сирен из утраченной Атлантиды, звучащая из динамиков в трейлерных городках пристрастившейся к крэку Америки. ДМТ не имеет ничего общего с нашими иррациональными иллюзиями. Я считаю, что наши переживания в результате приёма ДМТ, это нечто принципиально новое. Это близкое измерение: пугающее, постоянно меняющееся, не поддающееся нашему воображению — и всё же требующее изучения обычным способом. Мы должны отрядить для такого изучения бесстрашных экспертов, которые провели бы необходимые исследования и сообщили о своих находках.

ДМТ, как мы обсуждали ранее, обычно участвует в нейрометаболизме человека и является самым мощным из встречающихся в природе индольных галлюциногенов. Необычайная лёгкость, с которой ДМТ полностью разрушает все границы и переносит человека в непредсказуемое измерение Иного, представляет собой одно из чудес жизни. За этим первым чудом следует второе: невероятная лёгкость и простота, с которой ферментные системы человеческого мозга распознают молекулы ДМТ в синапсах. Всего за несколько сотен секунд эти ферменты полностью и без вреда для организма инактивируют ДМТ, превращая его в побочные продукты обычного метаболизма. Тот факт, что в случае с самым мощным из всех индольных галлюциногенов обычные уровни содержания аминов в мозге восстанавливаются очень быстро, свидетельствует о том, что между людьми и галлюциногенными триптами могла существовать давняя коэволюционная связь.

Хотя в настоящее время не считают, что псилоцибин и псилоцин, индольные галлюциногены, активные вещества грибов *Stropharia cubensis*, связанных с крупным рогатым скотом, в результате метаболизма непосредственно превращаются в ДМТ, впоследствии проявляя активность в мозгу, тем не менее, их путь ближе всего к пути активности ДМТ в нейронах. Они могут проявлять активность в одних и тех же синапсах, однако ДМТ более реактивен. Такое различие, вероятно, возникает вследствие разной фармакокинетики, то есть ДМТ может легче преодолевать гематоэнцефалический барьер, поэтому достигает участка проявления активности за более короткое время. Сродство этих двух соединений примерно одинаково.

Как упоминалось ранее, исследования ДМТ, особенно на людях, в общем и целом проводились недостаточно корректно. Когда изучали ДМТ, его вводили с помощью инъекций. Такая процедура введения экспериментальных препаратов была предпочтительной, так как можно было точно отмерить дозу. Тем не менее, в случае с ДМТ этот подход маскировал существование аномального времени «отката» ощущения при

курении ДМТ. Ощущения от приёма ДМТ с помощью внутримышечной инъекции длятся почти час; максимально яркие ощущения при выкуривании испытываются примерно через одну минуту. В бассейне Амазонки некоторые племена традиционно используют растения, содержащие ДМТ. Они употребляют сок деревьев *Virola* (родственных мускатному ореху), а также измельчённые и поджаренные семена *Anadenanthera peregrina*, огромного дерева из семейства бобовых. Общепринятым методом активации индола является нюхание растительного порошка. Такое нюхание производится не в одиночку; чаще всего в процессе участвует ещё и друг, который берёт полую тростинку, полную мелкого порошка, и вдвует порошок потребителю сначала в одну ноздрю, а затем в другую. Каким бы мучительным ни был этот процесс, он не оставляет сомнений в том, что шаманы бассейна Амазонки обладали знанием, неизвестным современным исследователям ДМТ: наиболее эффективный путь введения — через слизистую оболочку носа.

Гиперпространство и закон

Вы можете возразить «Но разве ДМТ запрещён?»

Да, в Соединённых Штатах ДМТ в настоящее время включён в Список I Закона о контролируемых веществах. Список I — это классификатор средств, не имеющих доказанного применения в медицине. В Список I не входит даже кокаин. Псилоцибин и ДМТ были включены в Список I в отсутствие каких-либо научных доказательств за или против их использования. В параноидальной атмосфере конца 1960-х годов сам факт того, что эти соединения вызывают галлюцинации, был достаточным основанием для их помещения в категорию с такими ограничениями, что не приветствовались даже медицинские исследования этих веществ.

Такое истерическое «незнайство» должно заставить нас вспомнить о том, что церковь когда-то запретила вскрытие трупов и объявила его колдовством. Современная анатомия

была создана студентами-медиками, побывавшими на полях сражений или похищавшими трупы с виселиц. За желание углубить свои знания о человеческом теле их могли арестовать и посадить в тюрьму. Неужели мы проявим меньшую силу духа, пытаясь раздвинуть границы известного и возможного?

Менталитет доминирования всегда сопротивлялся изменениям; он словно предчувствовал возможность таких изменений, которые лишат его силы раз и навсегда. В случае с галлюциногенными индолами эти пророческие опасения принесли обильные плоды, а именно плоды Древа Познания. Съесть такой значит стать как боги, а это, несомненно, означало бы упадок стиля доминирования, то есть ожидания эпохи Возрождения архаичного воплотились бы в жизнь.

Встречи с удивительным сверхразумом

Крах западного рационализма ощущается весьма отчётливо, в чём легко может убедиться всякий, кто прочитает любую современную популярную книгу по космологии или квантовой физике. Тем не менее, я хочу немного добавить огоньку и рассказать о концепции некой межпространственной связи; эта связь надежнее всего устанавливается непосредственно за счёт использования галлюциногенных индолов, которые использовались издавна и внесли свой вклад в эволюцию человека. Такие соединения, судя по всему, управляют культурными изменениями и могут обеспечивать доступ к интенциональности какой-то очень большой саморегулирующейся системы. Возможно, это единый сверхразум видов, или своего рода «разум планеты», или же с некоторого времени другой, радикально отличающийся от нас разумный вид делит с нами Землю, несмотря на то, что наши неумелые поиски нечеловеческого разума так и не увенчались успехом.

Эти идеи я выдвигаю лишь в умозрительном ключе. Я не обладаю сильной интуицией, позволяющей подробно разобратся в том, что происходит. А вот в чём я действительно

разбираюсь, так это в обычаях, ожиданиях, правилах доказывания и «общеизвестных знаниях» людей, причём достаточно хорошо, чтобы понять, что происходящее во время опьянения ДМТ слишком специфично, чтобы к нему подходил привычный для других случаев термин «опьянение». Опьянённый ДМТ разум оказывается в слишком реальном мире, явно сосуществующем параллельно с нашим. Это не мир наших мыслей, наших надежд, наших страхов; скорее, это мир тех самых маленьких сорванцов — их радостей, их мечтаний, их поэзии. Почему так? Не имею ни малейшего представления. Просто так и есть; и у нас дела обстоят так же точно.

Психология школы Юнга, единственной из школ мейнстримного мышления XX века, противопоставляла себя некоторым явлениям, имевшим важность для шаманизма. Алхимия, которую Юнг изучал очень тщательно, была наследницей древней традиции шаманских и магических техник; кроме того, в числе её предшественниц были и более практичные дисциплины с применением химических технологий, такие как работа с металлами и бальзамирование. В литературе по алхимии можно обнаружить доказательства того, что бурлящее содержимое алхимической реторты очень хорошо подходило для проецирования содержимого наивного донаучного разума. Юнг настаивал на том, что алхимические аллегории и эмблемы являются продуктами бессознательного и их можно анализировать так же, как и сны. С точки зрения Юнга, обнаружение одних и тех же мотивов в фантастических рассуждениях алхимиков и в снах его пациентов представляло собой весомое доказательство его теории коллективного бессознательного и существования общих архетипов.

В ходе своих алхимических исследований Юнг столкнулся с рассказами о кабирах, эльфоподобных алхимических порождениях, чьё появление или ощущаемое присутствие наблюдается во время поздних стадий алхимического делания [5]. Эти алхимические порождения имеют вид маленьких духов, которых шаман призывает себе в помощь. Юнг видел

в них автономные части архетипов, временно ускользнувшие из-под контроля эго. К сожалению, объяснение насчёт того, что эти алхимические духи — «автономные части архетипов», это вообще не объяснение; это как если бы мы описали эльфа как маленькую нематериальную личность неизвестного происхождения. Такие объяснения лишь уводят в сторону от необходимости более детально разобраться в природе нашего опыта.

Наука пока и не смогла помочь человеку в установлении контакта с другими разумными существами. Она предпочитает переключать своё внимание на что-то другое, замечая при этом, что субъективные переживания, какими бы своеобразными они ни были, не входят в её компетенцию. Жаль, конечно, что так получается: субъективный опыт — это единственное наше бесспорное достояние. Как бы то ни было, в значительной степени субъективный характер так называемой объективной вселенной теперь подтверждён самой объективной из наук — физикой. Новые представления о физических явлениях неразрывно связывают субъективного наблюдателя с наблюдаемыми событиями. Как ни парадоксально, это получается возврат к шаманской точке зрения. Настоящим интеллектуальным наследием квантовой физики может оказаться новая степень достоверности знаний и приоритет, который она отдаёт субъективности. Возвращение себя к исходному состоянию в нашей субъективной реальности означает возвращение прежней степени важности языку, так как язык — это тот самый материал, из которого сделан субъективный мир.

С помощью психоделиков мы узнаём, что Бог — это не идея, Бог — это затерянный континент в мире человеческого разума. Этот континент был заново открыт во время большой опасности для нас и нашего мира. Что это — совпадение, синхронность или жестокое в своей бессмысленности соседство надежды и гибели? Много лет назад я решил посвятить всю свою жизнь разгадке тайны, лежащей в основе ощущений, вызванных употреблением триптаминовых галлюциногенов,

тем более что науке эта тайна не под силу. Я, конечно, знаю, что если человек одержим какой-то идеей, то со временем она поглотит его без остатка, но всё же: в описании кульминационных событий, связанных с возникновением скотоводства и языка у людей, я нашёл древний отзвук того, что я ощущал лично и чему сам был свидетелем.

Теперь ответ, который все искали и наконец нашли, следует просто принять. Перед нами раскинулось невероятно огромное измерение. Наше существование как животного вида на этой планете подходит к концу. По геологическим меркам до конца осталось лишь несколько мгновений. Массовое вымирание многих видов уже происходило как минимум со времени расцвета общества партнёрства в доисторической Африке. Наше будущее находится внутри нас; единственная надежда на выживание нашей измученной планеты состоит в том, что мы найдём самих себя внутри своего разума и станем друзьями с этими его обитателями; это поможет нам восстановить связи с Землёй и одновременно устремиться к звёздам. Перед нами вырисовываются глобальные изменения — более масштабные, нежели всё, что было прежде. Шаманы тысячелетиями хранили знания о возможности доступа к Иному; теперь эти знания стали достоянием масс. Последствия такой ситуации только начинают ощущаться.

Само собой, я не ожидаю, что мои слова будут восприняты за чистую монету. Тем не менее, эти выводы основаны на опыте, доступном любому, кто решит потратить время на изучение ДМТ. Сам опыт длится менее 15 минут. Я не ожидаю критики со стороны людей, которые не возьмут на себя труд провести этот простой показательный эксперимент. В конце концов, как могут критики заниматься этой проблемой, если они не пожелают потратить несколько минут на то, чтобы всё узнать на собственном опыте?

Обширный опыт употребления психоделиков не просто предполагает существование мира здравомыслящих людей, живущих в гармонии с землёй и друг с другом. Он также обещает интересные приключения, знакомство с чем-то совер-

шенно неожиданным — с соседней неизведанной вселенной, полной жизни и чудес. Не спрашивайте, где она находится; в настоящий момент можем сказать лишь одно: не тут и не там. Мы по-прежнему слишком невежественны в вопросах, касающихся природы разума, возникновения и устройства мира. На протяжении тысячелетий мы мечтали найти ответы на них — и потерпели поражение. Мы так и останемся побеждёнными, если не вспомним о другой возможности — возможности Совсем Иного.

Одни заблудшие души всматриваются в небеса в ожидании прибытия дружелюбных инопланетян на летающих тарелках, которые вмешаются в мирскую историю и перенесут нас в рай; другие проповедуют искупление, припадая к ногам различных риши, роси, гейш и гуру. Лучше бы этим искателям обратиться к работам ботаников, антропологов и химиков, которые обнаружили, идентифицировали и охарактеризовали шаманские галлюциногены. Благодаря им мы получили в свои руки инструмент для духовного перерождения человека. Это весьма элегантный инструмент, но, как и всякий инструмент, его тоже необходимо использовать. На протяжении веков мы пробовали на себе разные виды зависимости — от сахара до кокаина и телевидения, неустанно пытаюсь отыскать то, что отняли у нас в раю. И вот ответ найден. Больше ничего не нужно искать. Всё уже и так есть.

Возвращаясь к своим корням

Использование растений, подобных описанным выше, поможет нам осмыслить драгоценный дар партнёрства с растениями, утраченный на заре времён. Многие люди жаждут узнать что-нибудь о своей истинной сущности, которую напрямую высвобождают растительные галлюциногены. Не знать своей истинной сущности — значит быть безумным, лишённым души существом: големом. В самом деле этот образ, словно взятый из Оруэлла, применим к очень многим современным жителям высокотехнологичных индустриальных

демократий. Истинность их сущности заключается в том, что они подвержены изменениям образа жизни, которые пропагандируются через СМИ. Они употребляют нездоровую пищу, они впитывают информацию жёлтых СМИ, они тайно восхищаются фашизмом, поэтому можно сказать, что они обречены на токсичную жизнь и полное невежество. Опьяняемые ежедневной дозой телевидения, эти живые мертвецы не умеют и не хотят ничего — только потреблять.

Я считаю, что неспособность нашей цивилизации примириться с употреблением наркотиков, а также привычное деструктивное поведение людей проистекают из нашей всеобщей неудовлетворённости. Но если бы мы смогли в достаточной степени реконструировать прежнее представление о себе и мире, то у нас получилось бы с помощью психофармакологии реализовать наши величайшие надежды и мечтания. Вместо этого фармакология стала демонической прислужницей режима, который настойчиво навязывает регламентацию и душит гражданские свободы.

Большинство людей пристрастились к каким-то веществам, вызывающим привыкание; хуже того — все люди привыкли к стереотипам поведения. Попытка провести границу между привычками и различными видами зависимости наносит ущерб неразрывной связи психической и физической энергии, которая формирует поведение каждого из нас. Люди, не зависящие от пищевых или лекарственных стимуляторов, встречаются редко; судя по тому, что они предпочитают следование догмам и намеренно ограничивают свой кругозор, можно сделать вывод о том, что они так и не смогли найти жизнеспособную альтернативу употреблению психоактивных веществ.

В этой книге я попытался исследовать нашу биологическую историю и более позднюю культурную историю с прицелом, обратив внимание на возможные упущения. Основной темой книги стали взаимоотношения человека с растениями, которые создавались и разрушались на протяжении тысячелетий. Эти отношения сформировали каждый аспект нашей лично-

Послесловие

«Пища богов» Теренса Маккенны впервые вышла у нас в начале 90-х годов прошлого века. И желание переиздать эту книгу преследовало меня как минимум последние 20 лет, поскольку упомянутый перевод содержал большое количество фактических ошибок, да и вообще был, откровенно говоря, кривоват... Поэтому в итоге мы решились на новый перевод и новое издание.

Ох, Маккенна... Наивный, доверчивый, невероятно эрудированный, не имеющий системного биологического образования эльф. Не эволюционист, не миколог. Но безо всяких сомнений — веха эпохи.

Сперва как редактор я хотел насытить книгу комментариями, объясняя ошибки и заблуждения автора. Однако быстро стало понятно, что тогда проще её заново переписать (по крайней мере, первую часть, где идёт речь о психоделической эволюции приматов). Но это стало бы издевательством над классиком. Маккенну лучше всего читать в оригинале, проникаясь революционностью, незамутнённой и искренностью его убеждений. Поэтому сперва я решил сделать некое предисловие, а потом, по зрелому рассуждению, — послесловие, чтобы не портить читателю впечатление от авторского текста всякими предварительными умствованиями.

Итак...

Наиболее захватившей умы читателей вне всяких сомнений является маккенновская «теория упоротой обезьяны», в которой автор предположил, что превращение ранних гоминид в поздний добрый *Homo sapiens* связано с введением в наш рацион гриба *Psilocybe cubensis*. Согласно Маккенне, следуя за стадами травоядных животных по постепенно опустынивавшейся Африке и в качестве пищи собирая из-под их навозных лепёшек личинок насекомых, а с самих лепёшек — грибы,

перволюди благодаря псилоцибину в роли «химического бинокля» сперва повысили остроту зрения, затем общее восприятие, а в итоге развили речь, аналитическое мышление и концепции религии и искусства. Маккенна полагал, что псилоцибиновые грибы были «эволюционным катализатором», с помощью которого возникли язык, проективное воображение, искусство, религия, философия, наука, да и вообще вся человеческая культура; заодно грибы подарили людям гуманность. Интересно и то, что с точки зрения Маккенны на каждом из упомянутых этапов псилоцибин обеспечивал рост либидо, и это вело к «более высокому уровню внимания», «большей энергии в организме» и «потенциальной эрекции у мужчин»; при значительных же дозах грибы якобы действовали так, чтобы «разрушить границы», способствуя сближению сообщества, групповой сексуальной активности и «подавлению эго». В целом с биологической и эволюционной точек зрения «теория упоротой обезьяны» совершенно несостоятельна, хотя бы потому, что в основе своей она опирается на неправильно интерпретированную Маккенной статью Рональда Фишера с коллегами (Fischer et al., 1970), из которой Теренс сделал вывод, что псилоцибин «улучшает остроту зрения». На самом деле Фишер опубликовал исследование о нескольких конкретных параметрах зрительного восприятия, но никак не об остроте зрения в целом. В итоге сам Фишер, ознакомившись с выкладками Маккенны, заметил, что общая острота зрения тут не при делах и псилоцибин «никак не может способствовать выживанию организма».

Кстати, об обоснованности аргументации Маккенны немного с другой стороны. Попробуйте рассмотреть утверждения автора о гуманизирующем, гармонизирующем и «разрушающем эго» влиянии псилоцибиновых грибов на человеческие цивилизации применительно к империи ацтеков. Увы, постоянное употребление психоделических грибов никак не гармонизировало жреческую касту, не разрушило эго жрецов и не отвратило их от впечатляюще-зверских жертвоприношений, которые, кстати, считались общественной нормой. Да чего там далеко

ходить: современным исследователям хорошо известны амазонские племенные группы дживаро и яномами, которые после церемониального употребления аяуаски совершают крайне жестокие ритуальные действия.

Есть и ещё один момент. В использовании психоделиков большое значение играет момент подготовленности, момент ожидания. Оказываемый эффект во многом обусловлен ментальной средой. Если ваше окружение утверждает, что псилоцибинсодержащий психоделик разрушит эго и объединит вас со вселенной — скорее всего так и произойдёт. Если вы будете просто любопытствовать — посмотрите узоры на ковре и дыхание поверхностей. Подойдёте с исследовательской точки зрения — получите экспериментальные данные.

С другой стороны, некоторые современные статистические исследования (например, метаанализ или работа с большими выборками опрашиваемых) показывают, что психоделики, в том числе и псилоцибиновые грибы, действительно оказывают описанное Маккенной действие. В качестве примера приведу работу Nour M. M., Evans L., Carhart-Harris R. L. (2017). *Psychedelics, Personality and Political Perspectives*. *Journal of Psychoactive Drugs*, 49(3), 182–191. doi:10.1080/02791072.2017.1312643. Вооружившись утверждением, что ощущения от приёма психоделиков (включая вызванное психоделиками растворение эго) могут вызвать продолжительные изменения во взглядах и убеждениях человека, исследователи поставили перед собой цель с помощью анонимного интернет-опроса выявить связь между употреблением природных психоделиков с одной стороны и личностью, политическими взглядами и средством с природой с другой стороны. Участники опроса (почти 900 человек) предоставили авторам информацию о том, как они употребляют психоделики природного происхождения, кокаин и алкоголь, а также ответили на вопросы, касающиеся личностных качеств — открытости и добросовестности (анкета по индивидуальным особенностям, состоящая из десяти пунктов), средства с природой (по шкале средства с природой) и политических взглядов (определение положения

на шкале «либерализм-консерватизм», один пункт, и определение положения на шкале от максимальной приверженности принципам свободы воли до максимальной приверженности авторитаризму, пять пунктов). Участники также оценивали степень растворения эго, которую они (насколько им удавалось вспомнить) ощущали во время «наиболее интенсивного» психоделического воздействия (анкета по растворению эго). Многофакторный линейный регрессионный анализ после учёта переменных факторов, могущих исказить общую картину, показал, что у людей, всю жизнь употребляющих психоделики (исключая случаи пожизненного употребления кокаина или еженедельного употребления алкоголя), отмечалась несомненная тяга к либеральным политическим взглядам, открытости и сродству с природой и что авторитарные политические взгляды были им несвойственны. Растворение эго, ощущаемое участниками опроса во время «наиболее интенсивного» психоделического воздействия, также показывало, что такие участники характеризуются либеральными политическими взглядами, открытостью и сродством с природой и что они далеки от авторитарных политических взглядов.

Конечно, мы можем предположить, что как раз из-за деятельности Маккенны такое влияние и происходит, ведь именно он активно участвовал в создании у потребителей ожидания эгорастворительного воздействия психоделиков (конечно, не без Тимоти Лири и других «психоделических докторов»). Но это не отменяет достоверности проведённых исследований.

А вообще, как говорится, немного поругали — и хватит. Всё же Маккенна, несомненно, наш человек, свой парень, топтит за правильное направление. В чём он, кстати, интуитивно прав — так это в том, что повышение сексуальности способствовало формированию у нашего вида разумности. Как давно было сформулировано биологами-эволюционистами, для возникновения разума необходимы и достаточны три предпосылки: стайность, всеядность и круглогодичная половая

активность. Максимально далеко по этому пути зашли люди и шимпанзе-бонобо, но последние, избалованные отсутствием пищевого давления со стороны горилл, которые исчезли на их берегу реки Конго два миллиона лет назад, свернули как раз в дебри сниженной агрессии, гуманизации и разрушения эго, превратив круглогодичную половую активность в антистрессовую валюту. Поэтому в итоге на финишной прямой оказались мы с вами, наделённые здоровой воинственностью, более частыми проявлениями насилия и генетически детерминированной тягой к энтеогенам.

В наше время гипотеза Маккенны снова оживает, но в трансформированном и более наукоёмком виде. Многие учёные признают, что хотя доказательства влияния психоделиков на сознание древних гоминид являются косвенными, всё же они несомненны. Человек действительно имеет длительную эволюционную связь с психотропными растительными и грибными веществами, и само наличие такой связи предполагает некое их селективное воздействие на эволюцию человека. Вполне непротиворечиво допустить, что уже древние гоминиды эмпирически прочувствовали, что такое микро- и макро-дозинг, и претерпевали воздействие энтеогенных веществ, которые давали им реальные физические преимущества. Использование грибных и растительных психоделиков наглядно демонстрирует улучшение функции нейротрансмиттеров, и человек в этом плане показывает на два порядка (!) бóльшую чувствительность, чем, например, шимпанзе и горилла. Такое отличие человека от человекообразных обезьян может указывать на наличие неких эволюционно-выживательных преимуществ, приобретённых теми нашими предками, которые обладали повышенной способностью обращать себе на пользу энтеогены, эти экзогенные аналоги серотонинергических нейротрансмиттеров. Явные различия в реакции чувствительности серотонинергической системы человека и шимпанзе доказывают, что уже у древних гоминид существовали приспособления, предполагающие положительный отбор для особей, обладавших повышенной чувствительностью к психоделикам.